

Михаил Иванович Семевский

**Царица Катерина Алексеевна,
Анна и Виллим Монс**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6
ББК 84-4

Михаил Иванович Семевский

Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс / Михаил Иванович Семевский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 126 с.

ISBN 978-5-4241-1556-1

Книги известного историка М.И.Семевского (1837-1892) пользовались большой популярностью в дореволюционной России и неоднократно переиздавались "Царица Катерина Алексеевна. Анна и Виллим Монс" повествует о семейной трагедии Петра I. Построенное на архивных материалах повествование написано очень увлекательно и обращает внимание читателя на малоизвестные страницы российской истории.

ISBN 978-5-4241-1556-1

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Михаил Иавнович
Семеновский
ЦАРИЦА КАТЕРИНА
АЛЕКСЕЕВНА, АННА И
ВИЛЛИМ МОНС

І. Анна Ивановна Монс

(1692–1714 годы)

В 1698 году, в последних числах августа, Москва тревожно ждала царя Петра Алексеевича из его долговременного заграничного путешествия. Чувство тревоги и страха волновало всех от великого боярина и «генералиссимуса» Шейна до последнего стрельца, томившегося в колодках за известное дело под Воскресенским монастырем... В толпах «сераго» народа бродили разные слухи и толки; те и другие были вызываемы нелюбовью к Петру и его нововведениям: те и другие были поддерживаемы полуторагодовой отлучкой монарха. «Царя Петра Алексеевича не стало за морем!» – таинственно говорили тетки и сестры государя, и вслед за ними весть эту разносили горожанки, стрельцы и стрельчихи; повторяли и верили ей даже бояре-правители, охваченные, по выражению государя, «бабьим страхом». «У нас наверху (т. е. во дворце) позамялось, – шептала одна из враждебных Петру царевен своей постельнице, – хотели было бояре государя-царевича удушить...». «Государь, – передавала стрельчихам одна из боярских боярынь, – государь неведомо жив, неведомо мертв... И в то число, как было бояре хотели государя-царевича удушить, его подменили и платье его на другого надели, и царица узнала, что не царевич; а царевича сыскали в иной комнате. И бояре ее, царицу, по щекам били...»

Толки эти, начавшиеся со времени отъезда Петра, приняли громадные размеры и были искрой, брошенной в порох. «Ныне вам худо, – писала Софья стрельцам, – а впредь будет еще хуже. Идите к Москве. Что вы стали?...» И стрельцы откликнулись на призыв: «В Москву, в Москву! Перебьем бояр, разорим Кукуй (Немецкую слободу), перережем немцев!...»

Немцы остались целы; уцелел и ненавистный народу Кукуй-городок: стойкость Гордона и пушки Де-Граге спасли кукуйцев от народной мести; стрельцы были смяты, разбиты, перехвачены и 2 июля 1698 года 140 обlixованы кнутом, а 130 человек, по указу Шейна и бояр-правителей, вздернуты на виселицы.

Но розыск и казни были слишком поспешны, милосердны и необстоятельны для столь важного дела, так по крайней мере казалось Петру; «с печалью и досадою от болезни сердца» слал он еще из Амстердама горькие укоризны кесарю Ромодановс-кому за послабление мятежникам; и вот с твердым намерением «вырвать семя Милославского, угасить огонь мятежа» спешил государь в столицу. «Сей ради причины, – писал он Ромодановс-кому, – будем к вам так, как вы и не чаяте».

Бояре, однако, чаяли и чаяли для себя грозную сиверку.

Во вторник, 25 августа, в 6 часов пополудни, только что прозвонили от вечерни, в боярских палатах, дворцовых теремах, затем по всей Москве пролетела весть: государь приехал! Петр с Лефортом и Головиным возвратились в столицу. Проводив великих послов до их жилищ, навестив несколько боярских семейств, царь спешил насладиться радостями любви, но не в объятиях постылой уже царицы Авдотьи, а в семействе виноторговца, одного из жителей Кукуя-городка Ивана Монса.

Анна Монс, младшая дочь виноторговца, несколько лет тому назад успела приковать к себе сердце сурового монарха. Казалось, рассеяния заграничной жизни, долговременность разлуки должны были погасить любовь Петра к Анне

Ивановне; это тем более казалось вероятным, что во все время с марта 1697 года по август 1698 года, т. е. во время путешествия своего, государь ни разу не вспомнил об Анне, по крайней мере, этого не видно из многочисленной переписки с его немецкими и русскими слугами. Но вид Кукуй-городка, должно быть, воскресил в памяти Петра те приятные часы, которые он проводил в семействе Монс, и вот он спешит обнять одну из красавиц Немецкой слободы... «Крайне удивительно, – писал австрийский посол Гварьент, – крайне удивительно, что царь, против всякого ожидания, после столь долговременного отсутствия еще одержим прежнею страстью; он тотчас по приезде посетил немку Монс...»

Но любовь любовью, а дело делом. Ночь проведена была в деревянном домике в Преображенском. На следующие же дни Петр поспешил принять всех и каждого, в ком только имел нужду; впрочем, ни из его разговоров, ни из его поступков нельзя еще было заметить, какие уроки вынесены государем из его поездки, какие важные нововведения должна ждать от него Россия. В первые дни он только и делал, что хватал своих бояр за бороды и ловко их отхватывал ножами; «то были первые, – восклицает Устрялов, – и самые трудные шаги к перерождению России!». Затем из впечатлений, вынесенных царем из-за границы, стриженные сановники слышали похвалы венецианскому послу. Петр очень хвалил его за вкусные блюда и вкуснейшие напитки. Кроме посла-гастронома из заграничных знакомых Петр очень сблизился с королем польским. Четырехдневные попойки и пиршества (на обратном пути к Москве) до такой степени сдружили Петра I с Августом II, что они обменялись кафтанам.

«Я люблю Августа, – говорил царь боярам, шеголяя пред ними в платье нового приятеля, – люблю его больше всех вас; люблю не потому, что он польский король, а потому, что мне нравится его личность».

Так говорил Петр в беседах со сподвижниками и слугами; но, заявляя пред ними приязнь к Августу, он спешил, однако, отпраздновать радость встречи с московскими друзьями. Устроить пир самый роскошный и разгульный было делом веселого Лефорта. 2 сентября к нему собралось до 500 человек гостей; на пирушку, по указу царя, были созваны все немецкие дамы, находившиеся в Москве. Разумеется, смело можно предположить, что не забыли пригласить и Анну Монс, настоящую царицу праздника. Заздравные тосты, клики пирующих, музыка, пальба из 25 орудий залпами, встречали каждый тост, и самая горячая пляска не переставала до позднего утра...

Но оставим танцующих, поищем государя... Вот он сидит за столом в облаках табачного дыма за бутылками и ковшами; Петр окружен друзьями и слугами, шумна беседа «кумпании»; хмель развязал языки, и генералиссимус, боярин Шеин, неосторожно пробалтывается о разных производствах и отличиях, за деньги и в большом числе сделанных им в своем отряде. Царь вспыхивает. Выскочив из-за стола, он спрашивает о слышанном солдат, стоявших на карауле... Ответы солдат увеличивают его негодование; со страшным гневом государь выхватывает шпагу и бьет ею по столу: «Как колочу я теперь по столу, – кричит Петр, – так разобью я весь твой отряд, а с тебя, генералиссимус, сдери шкуру!»

Если бы можно было перенестись в это общество, созданное по воле царя веселить его и самому веселиться, если бы можно было взглянуть на лица растанцевавшихся немок-красавиц и немцев-кукуйцев, мы бы увидели, какой испуг овладел ими при звуках громового голоса Петра; какой ужас оледенил общее

веселье, когда увидели зловещие размахи шпаги в руках гневного властелина. Генералиссимусу грозила явная опасность; один миг – и если не шкура, то голова его легко могла бы скатиться под стол; Петр, как мы уже знаем, был вообще недоволен последними распоряжениями Шеина относительно стрельцов... Князь-кесарь Ромодановский и князь-папа Зотов дерзнули удерживать государя. Тот не унимался; несколько раз хватил по голове князь-папу и наполовину отрубил пальцы князю-кесарю; два удара, направленные в Шеина, пали на Лефорта, удары были чувствительны, но не смертельны...

«Все, – так повествует очевидец, – были в величайшем страхе»; каждый из русских страшился попасть на глаза государю, да едва ли были храбрее немцы и немки, особенно последние. Анна Ивановна (если только она была на балу) не дерзнула смягчить гнев властелина; за это опасное дело взялся молодой фаворит, и взялся успешно: голова Шеина, а также остальные пальцы его неудачного защитника, кесаря Ромодановского, остались целы. В молодом фаворите мы узнаем Алексашку, того самого Алексашку, который несколько недель спустя заявил особенную ловкость в отрубании стрелецких голов... Этот фаворит, укрощающий гнев самодержца, этот юноша-палач с выразительным лицом и огненными глазами – знаменитый Александр Данилович Меншиков...

В то время, когда пирует и изволит гневаться его царское величество, когда безвестная немка с бойким фаворитом разделяют его внимание и ласки, что же делает злополучная, забытая царица?

Известно, что еще в бытность свою в чужих краях Петр приказывал довереннейшим из бояр убедить царицу «во свободе» удалиться в монастырь. Царица не соглашалась; надо думать, что духовник и патриарх, лица, на которых, собственно, и легло щекотливое поручение убеждать Авдотью Федоровну, действовали с недостаточным усердием. Петр взялся сам за это дело и не далее как на шестой день по приезде четыре часа провел в секретной беседе с женой. Видно, лаконичная речь Петра не могла склонить бедную женщину к насильному постригу и к вечной разлуке с единственным сыном; по крайней мере, Петр был очень гневен и не замедлил выместить гнев на духовных советниках царицы: в течение двух часов патриарх молил о помиловании его за то, что он не исполнил царского указа запереть царицу в монастырь; оробевший архиерей винил бояр и некоторых духовных лиц, которые многими доводами не допустили его до этого. Оправдание патриарха еще больше разгневало царя; три духовных лица были немедленно по его указу брошены в Преображенские тюрьмы. Что же до патриарха, то он едва успел откупиться большими деньгами...

На другой день после описанного нами бала приступлено к решительной мере относительно царицы: любимейшая сестра Петра, царевна Наталья, оторвала от матери ее родное детище; царевич Алексей отвезен был в Преображенское. Мать строго допрашивали: «Почему ты не исполнила несколько раз присланных из Амстердама повелений идти в монастырь? Кто тебя от этого удерживал?»

Царица смиренно ответила, что только долг матери делал ее послушницей царских повелений; она не знала, на кого оставить единственного сына.

«Затем, – пишет Guarient, – ей оказали милость: дозволили выбрать один из двух названных монастырей для пострижения и оставили за ней право носить светское платье».

Царицу увезли в Суздаль, в Покровский девичий монастырь.

Что было причиной развода Петра с женой? Известно, что Устрялов оставил этот вопрос, вопрос не безынтересный и довольно важный для характеристики Петра, нерешенным. Почтенный историк довольно произвольно навязывает Петру сомнения в том, не была ли царица Авдотья в заговоре с Софьей; с не меньшим же произволом он набрасывает на нее тень подозрения: не участвовала ли-де она в замыслах Соковнина, и за всем тем все-таки сознается, «что чем провинилась царица перед мужем – остается тайной». Нам кажется, что незачем и доискиваться разьяснения этих тайн догадками об участии царицы Авдотьи в каких-то замыслах и заговорах: не только сочувствовать им, но даже и знать о них царица не могла.

Не надо забывать, что она была матерью двух сыновей, прижитых от своего «лапушки Петруши», не надо забывать, что она горячо любила мужа – о чем свидетельствуют ее письма и ее ревность к государю; малейшего же участия царицы в каких бы то ни было заговорах было бы достаточно для строгой казни; будь это участие – и Петр не стал бы церемониться, тратить время на убеждения жены удалиться «во свободу», на личные объяснения с нею, не стал бы делать ей послаблений, даже и на первое время, как-то: разрешение носить светское платье в монастыре и проч. Нет, натура Петра в таких случаях не сдерживалась ничем, никакими связями родства, никакими приличиями – доказательства этого всем известны.

Итак, не в мнимом и ничем не доказанном сочувствии царицы Авдотьи к делу противников ее державного супруга надо искать причину ссылки и заточения: причина заключалась в том, что Авдотья Федоровна нимало не соответствовала идеалу Петра; они не сошлись характерами.

Мы представляем себе Авдотью Федоровну идеалом так называемых допетровских женщин, образцом цариц московских XVII века.

В самом деле, скромная, тихая, весьма набожная, она обвыкла с теремым заточением; она нянчится с малютками, читает церковные книги, беседует с толпой служанок, с боярынями и боярышнями, вышивает и шьет, сетует и печалится на ветреность мужа.

Жгучей, страстной, порывистой натуре Петра была нужна не такая женщина; ему нужна была не безмолвная, вельми целомудренная царица, одна из тех цариц, к которым, по словам Котошихина, не допускали иноземных послов из боязни, что государыня-царица не сказала бы какой-нибудь глупости «и от того пришло бы самому царю в стыд».

«Она глупа!» – говаривал Петр о первой супруге. Следовательно, он прямо считал ее такой царицей, «от которой пришло б ему в стыд»; итак, нужна была женщина, взрослая не в русских понятиях. Ему нужна была такая подруга, которая бы умела не плакаться, не жаловаться, а звонким смехом, нежной лаской, шутивным словом кстати отогнать от него черную думу, смягчить гнев, разогнать досаду; такая, которая бы не только не чуждалась его пирушек, но сама бы страстно их любила, плясала б до упаду сил, ловко и бойко осушала бы бокалы. Станная, видная, ловкая, крепкая мышцами, высокогрудая, со страстными огненными глазами, находчивая, вечно веселая – словом, женщина, не только по характеру, но даже и в физическом отношении не сходная с царицей Авдотьей, – вот что было идеалом Петра; его подруга должна была уметь утешить его и

пляской, и красивым иноземным нарядом, и любезной ему немецкой или голландской речью с каким-нибудь посланцем ли иноземным, с купцом ли заморским, или иноземцем-ремесленником... Понятно, что такая женщина не могла встретиться Петру в семействах бояр в конце XVII столетия; в России он ее мог только найти в Немецкой слободе... Анна Монс, как ему показалось, подошла к его идеалу, она-то и сделалась последним поводом к заточению царицы.

И мы убеждены, вопреки Устрялову, что никаких более важных побуждений, кроме названных нами, не было со стороны Петра; но и их было достаточно для Петра: он отринул от своего ложа жену, даровавшую ему наследника престола.

Как бы то ни было, но дело, к великому соблазну народа, свершилось: царь развелся с женой и затем с необыкновенной энергией начал гасить огонь мятежный.

Кремлевские стены покрываются трупами, московские площади обливаются кровью стрельцов, восставших против «иноземческого» царя, против бояр да князей, против немцев и немецких нововведений; почти все стрельцы героями умирали за старую Русь, погребаемую Петром, недаром же и доселе народ поет про стрелецкие казни:

Из кремля, кремля, крепка города,
От дворца, дворца государева
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тут широкая дорожка.
Что по той ли по широкой, по дороженьке,
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, большого боярина,
Что большого боярина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли молодец – не оступается,
Что быстро на всех людей – озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Пред ним идет грозен палач,
В руках несет остер топор;
А за ним идет отец и мать,
Отец и мать, молода жена;
Они плачут, что река льется,
Возрыдают, как ручьи шумят,
В возрыданьи выговаривают:
«Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,
Он противится царю, упрямятствует,
Отца-матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на Красную площадь,

Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

В продолжение одного октября месяца 1698 года в разные дни восемь длиннейших процессий стрельцов протянулись по улицам столицы: их везли и вели на кровавое побоище. Москва приобылалась к подобным картинам:

Как из славного села Преображенского,
Что из того приказа государева,
Что вели казнить доброго молодца,
Что казнить его, – повесить;
Его белы руки и ноги скованы,
По правую руку идет страшен палач,
По левую идет его мать родная.

Но не легки еще были подобные картины для русского народа, не легко было и самому виновнику страшных зрелищ – царю Петру Алексеевичу. «От мысли о бунтовавших стрельцах, – говаривал он в это время, – гидр отечества, все уды во мне трепещут; помысля о том, заснуть не могу. Такова сия кровожажущая саранча!»

По свидетельству одного из близких к нему людей, Петра дергали тогда по ночам такие конвульсии во всем теле, что он клал с собой в постель одного из денщиков и только держась за его плечи мог заснуть; судорожное подергиванье головы, шеи и лицевых мускулов в Петре усилилось со времени избения стрельцов. «Юный фаворит» был с ним неразлучен; Петр сильно привязался к нему; он видел в Алексашке будущего надежнейшего и преданнейшего из своих слуг, ничем не связанного с ненавистной для него стариной; в Меншикове для Петра выросло поколение его ставленников, его «птенцов»... От внимания народа не ускользнула эта любовь к юноше, и он поспешил объяснить ее, разумеется, на свой лад.

– К Алексашке Меншикову, – говорил, между прочим, московский гость Романов одному из своих знакомых, – государева милость такова, что никому такой нет!

– Што ж, – отвечал знакомый, – молитва о том Алексашки к Богу, что государь к нему милостив.

– Тут Бога и не было; черт его с ним снес... вольно ему, что черт в своем озере возится, желает, что хочет!»¹

В то время, как Петр скасовывает стрельцов, а в народе бродят самые черные истолкования нередко чистых чувств и симпатий Петра, обратимся к той, в обществе которой отдыхал Петр в это полное крови и ужаса время.

Постараемся проследить, с какого времени и при каких обстоятельствах возникло расположение Петра к Анне Монс; что это была за женщина, окончательно «остудившая» его к царице и ускорившая решение ее горькой участи, что это за женщина – которой, по свидетельству иностранцев, отдав сердце, Петр непременно бы отдал и корону всея России, если бы только на его любовь красавица ответила такую же страстью? Нечего и говорить, что вследствие всех этих обстоятельств Анна Ивановна выступает из ряда дюжинных любовниц великих персон и заслуживает нескольких страниц в очерках истории царствования Петра Великого.

На правом берегу Яузы, исстари, еще со времен Ивана Грозного, особою

слободой поселены были иноземцы разных вер и наций; Немецкая слобода была как бы особым городом, резко выделявшимся как по своему внешнему виду, так и по образу жизни своих обитателей. Разоренный и уничтоженный «в нужное и прискорбное время», т. е. в начале XVII века, «Кукуй-городок» снова возник при царе Алексее.

Шотландцы, голландцы, англичане, французы и другие иноземцы, доселе раскинутые по всей Москве, водворены были теперь в новоиноземческой слободе. Отведенные под нее пустыри быстро покрылись прекрасными домиками, огородами и садами; над слободой возвысились иноземческие кирпичи, и жизнь совершенно особая потекла на Кукуе. Тут были люди всех наций, разных вероисповеданий, языков, «художеств и ремесл». Подле дома генерала подымалось жилище немецкого гостя, близ доктора – жил какой-нибудь виноторговец, далее – золотых дел мастер, плотник и другие ремесленники; генералы и полковники-иноземцы большею частью жили в слободе; из негоциантов здесь были заметнее других дома Кельдермана, «Московского государства поверенного и чести достойного» Даниеля Гартмана, Яна Любса, золотых дел мастера Монса и другие. Тут же жили семейства покойных служилых иноземцев, как, например, генерала Гамильтона и других. Несмотря на сословные отличия и разность занятий, иноземцы, говоря вообще, жили незамкнуто в своих семьях или в небольших кружках. Жизнь общественная, при первых благоприятных для иноземцев обстоятельствах, получила в Кукуй-городке широкое развитие, особенно тогда, когда Московское правительство, в лице Петра, стало им покровительствовать. Почти всех хорошеньких дам и девиц, а красавицами изобиловала слобода, можно было встретить на любой вечеринке у какого-нибудь негоцианта. Вечерние сходки были непрерывны; на них обыкновенно старики и важные иноземцы собирались в отдельном покое, дымили трубками да осушали стаканы, а молодежь без устали танцевала в соседних покоях; тут были и бесконечный польский, и гротфатер, и какой-то танец с поцелуями; пляски, зачастую начатые в 5 часов пополудни, оканчивались к 2 часам утра; устали и церемоний не знали; простота и свобода доходили до грубости; ссоры, драки между подгулявшими кукуйцами были ежедневно...

Тем не менее, люди приезжие невольно дивились тому, как весело проводили время жители иноземческой слободы; не проходило почти ни одного вечера, чтоб они не сходились друг к другу с женами, дочерьми, племянницами...

В то время, когда русская боярыня или боярышня отшивала поклоны за торжественными обедами московской знати либо церемонно лобызалась с почетными гостями по воле хозяина дома; в то время, когда от этих теремных красавиц трудно было добиться других ответов, кроме «да», «нет», «не знаю», в это время на другом берегу Яузы, в семействах и общих собраниях иноземцев, царил относительная свобода, веселье и простота.

Мудрено ли после этого, что пылкий Петр, никак не могли примириться с обрядностью и торжественностью русского быта тогдашних бояр, всей душой полюбил частную и общественную жизнь иноземцев.

Мы не станем, вслед за Устряловым, уверять, что молодого монарха с первых же годов тянула на Кукуй-городок жажда получить от иноземцев «образование для себя и для своего народа»; кто знает молодость Петра (а Устрялову была она известна лучше, чем кому-нибудь другому), тот хорошо знает и то, что государь,

по крайней мере в первое время, ласково протянул руку чужеземным пришельцам вовсе не с такою высокою целью, а просто ради веселого и приятного препровождения времени.

Но действительно эти веселые пирушки на Кукуе сделались школою для Петра, и притом такою школою, из которой вынесенное далеко и далеко не все было доброе; здесь-то Петр, по выражению народа, излишне «почал веровати в немцев», недаром же народ с такою ненавистью и озлоблением относился к кукуйцам.

Впрочем, Петр мало интересовался симпатией или антипатией народа; Немецкая слобода довольно рано сделалась для него отраднейшим уголком в Москве; здесь он задолго еще до заграничной поездки переходил от одной потехи к другой, здесь слагались у него планы смелых походов его на берега Черного моря,² здесь за чарами пива и водки выслушивал он длинные и, без сомнения, хвастливые рассказы иноземцев о красотах заморской жизни; здесь, наконец, Петр вкусил радости любви...

Иоанн Монс, уроженец города Миндена, что на Везере, по известиям Корба, был золотых дел мастер; по словам других современников, между прочим посла Гвариянта, Монс был виноторговец.

Быть может, оба ремесла служили средством существования этого семейства. Оно прибыло в Россию во второй половине XVII столетия: Монс приехал из города Миндена с двумя аттестатами от городских властей о его способностях и учении, с женой, весьма заботливой хозяйкой, и с несколькими детьми. Рассказы и письма кукуйцев, прежних выходцев из-за границы, родственные связи и, наконец, что самое важное, надежды на обогащение – привлекли Монса в столь отдаленную Московию.

В грамотах, привезенных им с собой, сказано было, что Иоанн в имперском вольном городе Вормсе два года обучался с большим успехом «бочарному мастерству»; без сомнения, это же ремесло, а затем более выгодная спекуляция – виноторговля – и дали средство Монсу к безбедному существованию.

У него было три сына; из них нам известны Филимон и Виллим, и две дочери: Модеста, в русском переводе – Матрена, и Анна.

С домом старика Монса хорошо был знаком с самого приезда своего в Россию, т. е. с 1676 года, знаменитый Лефорт; гуляка, поклонник женской красоты, он часто бывал у виноторговца и ухаживал за хорошенькими дочерьми; из них старшая скоро вышла замуж за иноземца Федора Балка.

Если верить Гвариянту, а не верить ему нет основания, младшая из сестер Монс сделалась любовницей ловкого женевца.

Монсы, по словам Гюйсена, принимали Лефорта очень гостеприимно. Потом, когда при стрелецком восстании Лефорт выказал свою приверженность царю и был за то награжден высокими государственными званиями, тогда он из похвального великодушия (слова Гюйсена) остался признательным к Монсам, возвышал их и вообще старался сделать эту фамилию соучастницею своего счастья.

Так объясняет причину возвышения Монсов Гюйсен, известный воспитатель царевича Алексея и автор хвалебных брошюр о Петре I. Дело, как кажется, было проще; ни о каком похвальном великодушии речи не было; Лефорт всегда старался потешать своего державного питомца, доставлял ему всякого рода развлечения и, разумеется, как на веселую и приятную утеху указал на красавицу